

Автор: [Довут Сулаймонов](#) по прозвище [Давудшах Сулейманшах](#)

Ностальгия

Новелла

06/20/2012

После очередного прибытия, а точнее в первый октябрьский день своего трудового отпуска, на свою «малую родину», иногда так поэтично называл Памир средний по возрасту брат героя нашего рассказа Комилбек, Алифбек детально начал планировать свой отпуск. На этот раз он выкроил побольше времени от посещения домов многочисленных родственников и прилтал эти отрезки времени на санаторно-курортное лечение в горячих источниках Джелонди и Авдж. Казалось бы, он ничего не изменил в плане проведения отпуска, за исключением потока, прибывших к нему из центра и из близлежащих кишлаков больных. В этом то он точно узнал « без вины виноватого», а она именно Мобика - верная жёнушка старшего брата Назаршаха, сидя напротив него сейчас делает невинное лицо как овечка, то и дело кашляя, упрекает своих капризных дочерей в безделье. До поздней ночи Назаршах и Мобика по своими чудным мобильным звонили всем родственникам и знакомым по всему Бадахшану, оповещая о визите Алифбека, забыв о том что их родной брат и хисирз(брат мужа от шугнанского) приехал из далёкого острова Шпицбергена, что на севере Норвегии, не для лечения их знакомых, а чтобы провести свой отпуск по-человечески и нигде-то там в Сейшелах, а на родине. И вообще, откуда им знать, как он истосковался по Памиру. Эту ностальгию по родине и по родным он никогда не забудет. Только его нога ступила на норвежскую землю и он начал лихорадить от нехватки южного солнечного тепла, как только он вошёл в бронированную ему гостиницу, и увидев там роботоподобных, бледнолицых постояльцев с искусственными улыбками, он тут же вспомнил слова Комилбека, когда-то хвалившего свою любимую супругу Беджоду(драгоценный камень-рубин)-смуглолицую в том, что от неё постоянно исходит тепло изнутри с положительной энергией, и что тёмный кишмиш слаще белого.

Где-то в одиннадцать часов ночи после ухода последнего гостя, а им оказался пьяница Асадбек, Алифбек вошёл в гостиную, где его ждала аккуратно застланная

постель. До самого рассвета он не мог уснуть и странный, приятный запах отчьего дома пропитанный ситирахмом (обмазанные маслом стебельки и листья анафалиса для окуривания дома) не покидал его чуткого обоняния. Как только он начал дремать и плавно вошёл в особый мир сновидений, тут же проснулся от шороха и писка мышей - бдительных, ночных воров, старательно уносивших спрятанное добро матушки Зулайхо на чердак гостиной в удобное для себя ночное время. Этим тварям безразлично то, что мама запасует сушёные абрикосы, тутовники и орехи не для них, а для двенадцати сыновей и дочерей, разбросанных по всему свету со своими детьми и внуками. Мышиные бои затихли, зато из соседней комнаты доносился тихий, тоненький голос Мобики, оповестивший о приезде Алифбека кому-то, доложив что её умный «хисирз» лечит всё, и при этом даже богохульствуя, она, щебеча словно соловей, приравнивала его чуть не к Иисусу Христу, воскресших мертвецов. Алифбек нежно улыбнулся от слов Мобики, но когда речь зашла до его чудодейственного лечения и сравнения с Христом он, как будто морщась от боли, бормотнул про себя: -Когда же это дура, наконец, замолчит? Впрочем, он всегда равнодушно относился к лести, но на этот раз во многом оправдал Мобику. Как ни как он теперь учёный, защитивший кандидатскую диссертацию ни в каком-то провинциальном городе Душанбе, а в столице России – Москве. И потом тема его рода занятий - кардиохирургия вызывала у любого пациента и знакомого неопикуемый трепет и восхищение. Иногда он с удивлением, наблюдая за множеством больных в своей приёмной, сам себе задавал вопрос: - Почему они ко мне идут, ведь у большинства из них нет проблем с сердцем и тут же вспоминал слова Комилбека, когда он четыре года назад, после очередного посещения больного отца именно здесь в Барчадиве ему ненароком сказал: - Не удивляйся, когда увидишь очереди больных к тебе, ведь они идут из последней надежды. Не забывай, мы - арийцы думаем сердцем и при приветствии положим руку на сердце, и во время беды хватаемся рукою за сердце. Теперь эти слова брата вызвали у Алифбека неопикуемый восторг. Как ни странно жизнь и быт Алифбека и Комилбека очень близки и схожи чем-то друг с другом. Оба они были любимцами отца за отличной учёбы и послушанием в детстве. Повзрослев, обе выбрали науку, только Алифбек медицину, а Комилбек-биологию. Оба живут со своими семьями в городе и у обоих - двухкомнатные квартиры. Правда, Комилбек оказался проворнее, и взяв ипотечный кредит, купил «двушку» в столице. Это было настоящее счастье для Комилбека и его семьи. Беджода словно солнце сияла от счастья. Дети от ликования были на седьмом небе. Никогда Алифбек не забудет новоселье Комилбека. Ночью, после прохода гостей, когда Беджода и его супруга Шакармо начали мыть «гору» посуды на кухне, Комилбек и Алифбек тихо, чтобы не разбудить спящих детей, вышли на балкон. Новый двенадцатиэтажный дом, построенный отечественной фирмой, стоял на окраине города и своими прочными, высокими, синими стенами любому мог бы доказать, что

республика не деградировалась и не рассыпалась на юг и север после гражданской войны, и вопреки убеждениям недругов таджики строят и не бедствуют. Долго братья любовались ночной Душанбе, потому что ночью, глядя на тысячи огней из окон и уличных фонарей, невозможно не любить и не любоваться этим городом-садом. Казалось, яркие звёзды падали с небосвода на землю и они, иногда моргнув, а иногда сверкая, делают ночную панораму ещё прекраснее. Алифбек заметив, как Комилбек с гордостью и нежностью смотрит на спящую красавицу-столицу, тихо произнёс: - Прекрасен Душанбе. - Безсомнения,-сказал Комилбек и, бережно извлекая пачку сигарет с зажигалкой из кармана, вежливо предложил брату покурить. Это манера его поведения была шоком для Алифбека. Хотя Комилбек по праздникам позволял себе немного спиртного, но чтобы курить....не-ет. Это было не для него. Увидев смятение и недоверие в глазах Алифбека, Комилбек нарочно, словно заядлый курильщик с азартом выкурил сигарету аж до середины: - Я знаю, что ты не любитель сигарет и я тоже не курю, но когда я пошёл на риск и вложил мои кровные двадцать тысяч долларов на приобретение квартиры, я в тот же день поклялся, что если получу ордер на квартиру и ключи от неё, я одну пачку сигарет выкуриваю на балконе своей квартиры. - Красивая мечта, плохое начинание, ужасные последствия. - Пугаешь опять меня астмой и циррозом? - Нет, не пугаю, но как медик тебе говорю, что у курильщиков и алкоголиков эти болезни встречаются чаще, и они до гроба их доведут. - Когда же ты научился курить? - Разве это что-то новое и хорошее? - Нет, конечно. Это всё плохо, но я, посмотрев, как ты куришь, вдруг тоже захотел покурить, как и ты. - То есть, как? -Ты мастерски куришь. Так только арабы курят кальян с ароматическими травами, сверкая белоснежной улыбкой и от наслаждения оставляют глаза полуоткрытыми. - Завидуешь? -Только белой завистью. - А всё это потому, что я- Комил, то есть, я человек -совершенный.-Я знаю.

Теперь, в эту бессонную ночь, Алифбек ворачаясь с одного бока на другой, опять начал думать о Комилбеке. Как часто они спорили о религии и философии. Однажды Комилбек, превознося зороастризм над другими религиями, с азартом начал рассказывать про честность и богобоязненность габров-огнепоклонников. Алифбек тут же перебил брата, сказал: - Я знаю, что оны верные и честные люди, но мне кажется, что почитание огня в двадцать первом веке-это отсталость какая-та. - И ты хочешь, чтобы они модернизировали свою религию? Тогда почему ты сам этого не делаешь? - Мне это ненужно, потому что я как истинный исмаилит делаю всё согласно «фарманам» (духовные наставление)моего и твоего духовного отца и пастыря Ага-Хана и моя вера не нуждается в модернизации ,так как она и без того живёт в гармонии со временем. Я, конечно, симпатизирую габрам, но мне не нравится то, что они и ростовщики и пьют вино, ведь по шариату это-большой грех. - Ну и что с этого? Выдворённые когда-то своими

врагами из насиженных мест в Иране и, нашедшие приюта в Индии и Бахрейна, они вынуждены заниматься и ростовщичеством, мой дорогой. Потом не забывай, что среди мусульман тоже найдутся люди, которые не брезгают вином. В священном Коране написано, что «всё, то что опьяняет человека, оно греховно». Значит, по-твоему пить вино-это грех, а то что наши непокорные, воинствующие афганские соседи выращивают мак и коноплю, и производя героин, чуть не одурманив половину Европы, это-смех? Побывав однажды в афганском Бадахшане, я на своё горе нашёл плантацию мака в одном кишлаке недалеко от мечети, где и млад и стар ежедневно совершают пятничныи намаз-молитву. Побеседовав с имам - хатибом, я так и не получил соответствующего ответа. Он невнятно мне объяснил, будто они вынуждены от бедности выращивать опиум, что они продают героин неверным-кафирам и что от выращивания "доходного проклятого" дехкане получают прибыль втрое и прочее. Хотя я с имам-хатибом говорил на «дари»(язык таджиков в Афганистане), мы так и не поняли друг друга. Мне так показалось, что я говорю с каким-то- марсианином, а не с земным существом.-А может быть вы потому не поняли друг друга, что вы, мой дорогой брат- «homo soweticum»,- сказал Алифбек с ехидством, заранее зная как понравится этот термин брату.-Точно ,...ты прав... после междоусобицы и войны в республике у меня дома дети на руках синели и опухали от голода, но и в мыслях у меня не было, что я когда-нибудь от без исходности выращу эту « гадость и дрянь» у себя в арендованное поле в ущелье Биджондары и буду получать от её продажи какую-то прибыль. Комилбек, словно астматик, жадно вдыхал воздух и продолжил свой рассказ:- Так вот, мой дорогой, мне больно, как мусульманину то, что опиум выращивают не какие там папуасы-каннибалы в Новой Гвинее и никакие-то первобытные индейцы в бассейне Амазонки, а фермеры из Афганистана, где девяносто девять процентов населения исповедует Ислам,- самую гуманную религию.-И что же нам делать?-Мы то ничего не изменим и мир не переделаем. Мир не совершён и люди порою неосознанно грешат и вот тебе пороки на каждом шагу. Всё этого ещё в одиннадцатом веке предвидел и воспевал поэт и мудрец Востока Омар Хайям:

Ты всё пытаешься проникнуть в тайны света,

В загадку бытия...К чему, мой друг, всё это?

Ночей и дней часы беспечно проводи,

Ведь всё устроено без твоего совета

-А почему тогда Хайяма некоторые богословы называли еретиком и вероотступником?- Может быть, и ты тоже стал вероотступником?- Мне больно от твоих слов, но знай, я и

Хайём не какие то вероотступники, а мы веродержатели. Произнеся последнее слово очень громко, Комилбек, нахмутив брови, отошёл в сторону и больше не отвечал на вопросы Алифбека. Алифбек не знал, что Комилбек из-за его неуместной шутки так разозлится. Из-за ранимости Алифбек часто сравнивал Комилбека с отцом. Да и не только из-за ранимости он похож на покойного отца. Внешностью он вилитый отец. Та же осанка, та же походка и те же манеры. Любая незамужняя девушка, увидевшая его когда-то в молодости, могла бы сохнуть по нему из-за красивой внешности. Особо выделялись его большие зелёные глаза с приподнятыми как дуги ресницами, обрамлённые сверху сросшимися бровями. Рыжевато-каштановые волосы, широкий лоб и нос с горбинкой придавали особый шарм и благородство его чисто арийской внешности. Как и отец, он был однолюб и носил Беджоду на руках, при этом в отличии от отца, он никогда её не ревновал. Даже в старости отец не любил похождение мамы у близких, и при каждом её возвращении от дядей и тётей, отец устраивал ей разборки. Как хорошо, что эти не очень-то ценные качества не передавались по наследству Алифбеку и Комилбеку. В этом вопросе Комилбек показал себя даже демократичнее, демонстрируя свою солидарность, послав три года назад Беджоду за товаром в соседний китайский город Кашгар. Тогда на разочарованный вопрос Алифбека по телефону из Москвы, почему он так решил, Комилбек спокойно ответил:- Беджода с отличием окончила педогогический, но от безденежья разочаровалась в профессии и, уж как десятый год торгует тюками и женскими платьями на базаре. Пятеро наших детей, как и посаженные нами с тобой тополя в саду в Барчадиве, незаметно, но бурно растут. Вот и мы родители, словно садовники что-то должны предпринимать. -А Беджоде не будет тяжело? -Она не одна Худжамри, двоюродный брат моего тестя, с ней. -И как же ты мог отпускать её в такую даль? - Другого выхода у меня не было. Директор института отпуск мне не дал из-за областной конференции, хотя из моей поездки туда ничего и не вышло бы. Торговля тюками это не для учёного.- И ты полностью ей доверяешь? -Я ей жизнь свою доверяю. Было бы надобно, я бы её и в Америку отправил, а не то что в соседний Китай...

Прошлым летом Алифбек, будучи в командировке от иностранной фирмы, побывал на ужине в гостях у Комилбека. Такую идеальную гармонию в семье он нигде и никогда не видел. В гостиной были устланы мягкие, стёганые тюфяки - курпачи, а большой цветочный дастархан посередине комнаты изобиловал от яств и разнородных кушаний, демонстрируя тем самым достаток в семье и гостеприимство хозяева. Беджода и её мать Лаълбегим заранее приготовили поистину вкуснейший манты, а точнее великолепное объедение. За столом Комилбек так игриво и артистично многословил, что даже покорная Беджода несколько раз с укором посмотрела на него. Особенно ей не нравилось то, что её деликатный и умнейший муж после обильного

питья совсем забыл такт и вульгарничал. Послушав, как лестно отзывается Комилбек-богатырь о Беджодде, иногда позабыв что рядом сидит Алифбек и его голос может слышать тётя Лаълбегим на кухне, Алифбек невольно подумал про себя: -Комилбек-заика ,учёный и прозаик, а заики и люди с высоким интеллектом обычно бывают очень любвеобильными. Если бы брат содержал гарем, он бы всех своих жён осчастливил, - мечтательно посмотрев в сторону брата. Увидев натянутые отношения снохи с братом, Алифбек, словно гонец на арбе, взял узды в свои руки, поведя разговор в нужное русло. Посмотрев, как от тусклого настроения Беджодды мрачнел Комилбек, Алифбек хвалил мысленно неизвестного психолога-аналитика, который говорил, что для любящего мужа очень важно вечернее настроение жены.

Утром Алифбек вставал с постели, надеясь не увидеть ни одного больного. Увы, его надежды оказались тщетными. В саду, залитой щедрым, утренним солнечным светом, под кроной черешни-гиганта, посаженного отцом в молодости были видны незнакомые люди, а от деревянного с красивыми узорами топчаны-двухэтажки, доносились голоса женщин и детский плач. После легкого завтрака, состоявший из ширчая(чай с молоком) со сметаной Алифбек начал принимать больных. В двенадцать часов мама принесла Алифбеку «ош» –комбинированную ячменно-гороховую жидкую лапшу. Попробовав лапшу без зелени и без добавлением сушеных жёлто-оранжевых лепестков тыквы, Алифбек недовольным тоном сказал:- Мама, а почему ош без зелени и без лепестков тыквы? –И «тухпа»(кислый сыр) не добавили в ош.-Сынок, на летовки теперь никто не выезжает. Это я вырастила двенадцать детей и каждое лето жила с вами на летовках. Теперь всем лень ходить туда, да и молодёжи в кишлаках мало осталось. А если чабаны и доярки не поднимаются на высокие летние пастбища с богатыми сочными травами, откуда будет тухп. И лепестки местной тыквы теперь некому собирать. Твой покойный отец ни одного лепестка в поле не оставлял. Летом он кучами их приносил из нашего огорода, аккуратно высушив в тени. Вы все разъехались, кто куда. У меня ноги больные, и в ушелъе не поднимусь без посторонней помощи. -А Назаршах? -Он, сынок, занят своей стройкой.-Мама, но выращивание тыквы и зелени особого труда не требует. Тяжело вздыхая, мама ничего не сказала. Видно ей не хотелось портить настроение любимому сыну, который изредка бывает дома и который так любит отчий дом и мамины национальные блюда.

Вечером, понаблюдав как Мобика печёт белоснежные, пухлые, квадратные хлеба в турецкой печке-духовке, Алифбек опять затосковал по детству и по вкусу «кицори гардья»,-толстых больших лепёшек из муки местной пшеницы с добавлением ржаной муки, выпеченных ни на китайских дрожжах, а из постоявшей кислой закваски. Вспоминая вкус кицори-гарда, он так и не заметил как потекли слюнки. Особенно ему

нравилась “ зимба”-румянная хрустящая часть лепёшек. Теперь кицор-тандыр не функционирует и символически стоит посередине большого памирского дома, как домашний атрибут и существует как рудементарный остаток в воспоминаниях о быте горцев.

На второй день Алифбек заметил, что все четверо дочерей Назаршаха за исключением маленькой Мохбегим, не делают домашнюю работу и на его замечание по этому поводу Назаршах холодно ответил:-А какая от этого польза?-Всё равно они будут швеи как и Мобика.-Неверное у тебя соображение, дорогой мой брат. Не забудь, что когда мы были маленькими, именно наш отец, директор школы часами занимался с нами и теперь все наши сёстры гордятся тем, что стали врачами и учительницами. Тогда мы и не умещались за столом и долгими зимними вечерами, сидя на корточках на кичоре, заполненный внутри горящими углями, читали всё подряд, что было под рукою.

Не желая больше ворошиться в своём счастливом прошлом, Алифбек сердито, ссылаясь на пока ещё плохую адаптацию и, попрашавшись с мамой, зашёл к себе в гостиную.

Третий день своего отпуска Алифбек, как и предыдущие дни, проводил с обследованием больных. После утомительного приёма и обследованием больных, он сегодня так устал, что в голове мелькнула мысль о возвращении обратно в Норвегию. Омрачал его отпуск ещё то, что он пока не увидел родного Комилбека, потому что он до сих пор находился на био-станции, которая находилась на далёком Восточном Памире.

Где-то в полдень, он медленными шагами отправился в сельсовет, вернее ему так хотелось попасть в уютный читательный зал библиотеки, пахнущий запахом сырого картона и книгами, находящийся рядом с конторой сельсовета. Главная улица большого кишлака, к его удивлению, была таинственно пуста и безлюдна. Лишь в пяти местах он заметил новые, коммерческие ларьки, за открытыми окошками которых сидели, сонные продавщицы, ждущие новых клиентов.

Дверь библиотеки была полуоткрыта и оттуда доносился тихий детский голос. У стола стояла хрупкая пожилая женщина в очках и читала газету, а на стульях сидели голубоглазые русоволосые шестилетние мальчики-близняшки.-Салам алейкум, тётя Сангинбахт. Вaleyкум бар салам, Алифбекджан. Как я рада видеть тебя снова у себя в библиотеке,- хлопая ладошами, сказала тётя Сангинбахт.- Я тоже рад видеть вас, тётя. Рад ещё тому, что вы не устаёте от чтения. - После выхода на пенсию я быстро устаю от физической работы, но придя сюда на работу, я читаю и перечитываю всё, и поверь, от чтения не устаю почему-то. - И много ли осталось читателей как вы в кишлаке? - Читателей совсем мало осталось. Изредка ко мне заглядывают учителя-пенсионеры и единичные любители детективов. - А ученики? - Редко кто-нибудь из них за книгами

приходит, это в советское время, когда ты ещё был учеником, школьники соревновались в чтении художественных книг. Нынче книги Садриддина Айни, Сотима Улугзаде, Пушкина и Максима Горького не в моде и мало кто их читают, а вот глянцевого журналы все листают. - Тётя, а почему народ раньше много читал? - Потому, что он был сыт. - А разве он сейчас голоден? - Нет, он не голоден, но он и несчастлив-по-философски коротко ответила Сангинбахт, глядя на Алифбека своими голубыми глазами сквозь толстое стекло кривых очков. - Вот эти двое,- мои внуки, Сафармамад и Давлатмамад пятый год живут в разлуке со своими родителями. Их родители находятся в России и на заработанные деньги купили себе пятикомнатную квартиру в городе. Дом обставили, делали евроремонт и теперь вкалывают ещё на машину. А за это время, когда они там горбятятся, я должна нянчить их детей. -Тётя Сангинбахт, у вас получается хождение и по мукам и по внукам. -Так оно и есть. Я то своих внуков воспитываю как умею, но всё равно им не хватает материнской и отцовской любви. Вот сейчас, я смотрю на своих внуков и думаю, почему я и их дед не мечтали о чём-то невозможном и необычном. Жили мы на своей зарплате обычной жизнью в бараке без горячей воды, без евроремонта, детей вырастили, дали им образование и, самое главное, не жили в разлуке с детьми. Были малоаппетитными, но счастливыми, - смеясь беззубой улыбкой, сказала тётя Сангинбахт.

Вернувшись из библиотеки, Алифбек долго бродил по большому отцовскому саду, где росли в основном большие старые яблони местных сортов как Тахпак мун, Кулча мун, Себрахт и Сечои с раскидистыми кронами, которые когда-то были привиты и окулированы дедом Саодатшахом и отцом Муаззамшахом. Недалеко от старого сада, на возвышенности находился ещё один маленький сад, точнее широкие борозды в виде террас, на которых росли румяно-красные, жёлто-зелёные, осенне-зимние полностью вызревшие сорта яблони. Чтобы плодоносные ветки от тяжести обильного урожая не ломались, предусмотрительный Назаршах подставлял под них деревянные опоры с двумя концами. Эти яблоки двадцать лет тому назад Алифбек и Комилбек вместе с отцом привозили из ущелья Биджондары. Год спустя, весной Комилбек привёз из коллекции городского Ботанического сада черенки сортов Боровинки, Симиренко и Делишеса. Удачная весенняя прививка дала стопроцентную приживаемость и в последующие годы все их односельчани прививали свои яблони именно от черенков этих сортов. В отличие от яблони, повидавших ему в России и в Европе, где ему встречались в большинстве кислые и невкусные яблоки, местные яблоки оказались гораздо ароматнее, сочнее и сахаристыми. С подозрением Алифбек взял ещё одно яблоко из самого тенистого места и попробовав его, к своему удивлению, нашёл вкус и запах его не хуже тех яблок, которые находились на солнечной стороне. Наслаждаясь от красоты вокруг себя, глядя на синее, лазурное небо, высокие горы со снежными

шапками на голове и на журчащую пенистую с тысячью опасными водоворотами многоводную реку Пяндж, Алифбек посмотрев вокруг себя, тихо воскликнул: - Как всё изумительно тут и как всё превосходно. Если бы не учёба у сыновей Алисултан и Алимардан с матерью были бы сейчас с ним, а не коротали дни в холодной и пасмурной Москве.

Пока он бродил по саду, мама Зулайхо готовила ему «ношхупа», -киселеобразную жидкую кашу из отвара кислых абрикосов. Позабыв о том, что Алифбек любит есть ношхупу деревянной ложкой из маленькой деревянной тарелки «гидора», мама подала ему кашу в фарфоровом блюде. - Мама, а почему ношхупу принесли мне не в гидоре. Принесите мне, пожалуйста, деревянную ложку. - Ой, сынок, я старая, совсем забыла....это мы теперь не едим больше в гидоре и деревянными ложками тоже не пользуемся. Сейчас, сынок, сейчас...- Зря, мама, не пользуетесь, зря. Вкус еды в деревянной гидоре совсем другой, он необычно вкусен и блюдо пахнет в нём по-другому. Знаю, сынок, я знаю, прости меня старую. – Нет мама, это ты меня прости,- сказал Алифбек, укоряя себя за то, что доставил матери столько хлопот.

В то время, как он ел горячую ношхупу, дважды зазвонил его мобильный телефон. Подняв трубку, он услышал знакомый голос Комилбека и буквально расцвёл, словно высушенное поле после долгожданного дождя. Долго разговаривал Алифбек с Комилбеком, то смеялся от превосходного чувства юмора брата, то почему-то смущённо глядя вокруг себя и, понизив голос, Алифбек коротко говорил, -да..да... конечно.....бессомненно...пока...сейчас я передам трубке маме....всего хорошего, до свиданья. Передав трубку маме, Алифбек, вдыхая воздух полной грудью, сказал: - Мама, завтра Комилбек на своей машине приедет за нами и мы все поедem на горячий источник Джелонди. Заодно навестим сестру Харамбегим в Шибарзоре. Поедем в санаторий и будем отдыхать как и другие цивилизованные люди. - Ой, сынок, но я...-Никаких но. Мама, ты же к дочке поедешь. - Хорошо сынок,- и, поднеся трубку к правому уху, которое лучше улавливало звуки чем левое, она проговорила: -Алло Комилбек, сынокспасибо... это, чтобы ты со своей семьей долго жил, мне только не видать болезней моих детей.... вы... моё счастье....

Нырнув под одеяло, Алифбек не мог представить себе, что его ждёт ещё одна бессонная ночь. Его мысли то удалялись от реальности, порхали словно зонтик созревшего семя одуванчика в воздухе, то, повитав немного, и, устав от раздумий, сфокусировав свой взор во двор, опять приземлились в отчий дом в Барчадиве. - Однажды, ранним летним утром, три года назад Харамбегим позвонила Алифбеку в Москву и, сообщив ему, что их столетняя большая шелковица Музаффари, с

рубиновыми сахаристыми соплодиями, посаженная дедом Саодатшахом, теперь не существует. На его вопрос, что случилось с тутовником сестра, рыдая, сказала: -Вырубил её вместе с корнями Назаршах, потому что на её месте он построил себе топчан–двухэтажку.-А ягоды она давала?-Конечно, давала. Я с внуком своим Саидхасаном приехала сюда в Барчадив в надежде, что мы полакомимся тутовником, а тут вот такое. Им то, моему брату и его семье ничего, они тутовник летом едят у соседей, потому что она тут растёт в каждом дворе. Росла бы шелковица в Шибарзоре я бы так не горевала,- хриплым поникшим голосом сказала Харамбегим.....

Права была мама, когда однажды, упрекая Хараму, так в детстве звали её, сказала что её старшие дети Харамбегим и Мавлоназар по своей наивности уступают только их безрогой, пёстрошерстной овце Килак. От разговоров Мавлоназар, живущий в Сибири со своей семьёй и, побывавший однажды проездом там, Алифбек узнал, что его сестра в студенческие годы познакомилась со своим будущим мужем. Но когда их зять, первый раз, отправив сватов из числа своих родственников к ним домой, отца дома не оказалось и разъяренная мама отказала милым гостям выдать замуж свою дочку за их племянника, мотивируя тем, что её дочка рехнулась и кто полюбит юнца, на родине у которого кроме облепихи и алпийской ивы больше ничего не растёт, ей нет оправдания в жизни. Мама тогда злословила перед гостями и прямо сказала:-Я свою дурнушку в эту вашу « тундру» на отправлю, она там с вашими табунами не справится. Как и неуместно прививка груши над сливой, так и земледелец не сходится со скотоводом. Тогда, по рассказам Мавлоназара, все они так жалели Харамабегима и не хотели чтобы она вышла за этого Саидкозима –сархади(так называют на Памире жителей приграничных кишлаков Восточного Памира). Вопреки их ожиданиям, муж Харамбегим- этот «сархади» впоследствии стал любимым зятем матери и она его от своих семерых сыновей не различала.....

Ресницами открыв новый день, Алифбек увидел Комилбека, стоявшего у него в изголовье и что-то шептавшего маме, с улыбкой смотрел в сторону Алифбека. «Вот это встреча. Комилбек в такую рань приехал за нами»,-подумал Алифбек, встав с постели, смущённо втирая рукавом пижамы глаза, и обнявшись с Комилбеком, приветствовал его хриплым голосом: -Ассаламу алейкум, Комилбек. Как ты поживаешь со своей семьёй?- Вaleyкум бар салам, Алифбек. У нас всё превосходно. Так ты почему не зашёл к нам?- Спешил к маме.-Понимаю. Ну ничего, позавтракаем и все гурьбой ко мне. Побудете у меня, а потом посмотрим. Я из-за остеохондроза позвоночника отпуск себе оформил. А самое хорошее средство для лечения остеохондроза-это горячие источники в Джелондах.-Отлично. Пусть будет всё по твоему, - умываясь полутёплой водой из умывальника,-сказал Алифбек. Позавтракав неспеша, братья долго беседовали и со

стороны казалось их беседам нет конца. - Пока они разговаривали, мама уже насобирала нужные вещи, тёплую одежду и гостиницы для своих внуков - детей Комилбека и Харамбегим. Алифбек тоже не сидел сложа руки и, положив свою рабочую одежду, фonedоскоп и Большую Медицинскую Энциклопедию в рюкзак, он заодно внимательно слушал смешные рассказы Комилбека. -Ничего не забыли,-повысив голос ,чтобы услышала мать сказал Комилбек .-Ой , чуть не забыла. Комилбек, родной повези-ка пожалуйста на своей машине мешок смешанных зёрен ячменя с горохом и ещё мешок смешанных зёрен конских бобов с рожью на мельницу в Зуворак. - Мама, а пять наших сельских мельниц в ущелье заняты, -с недоумением спросил Комилбек. - Не заняты они. Просто они не работают. В двух мельницах нет жёрнов, а в трёх остальных повреждены водосточные трубы. На наше счастье, ваш троюродный дядя Асламхан в Зувораке построил новую мельницу и теперь все мы возим туда зерна, чтобы муку молоть.

Погрузив мешки на задней части нового Ландкрузера бежевого цвета, Комилбек вместе с Алифбеком поехали в Зуворак, в кишлак, расположенный в шести километрах дальше от Барчадива. По дороге от существующих неурядиц в кишлаке опять «лопнул» Комилбек. - Вот уже седьмой год наш кишлачный клуб не отремонтирован и наши мельницы не работают. - А кто виноват? -Все мы, но в основном председатель сельсовета и его окружающие люди виноваты, потому что они любители вечеринок и спиртного, а от пьющих людей добра не жди.

Дядя Асламхан встретил незваных гостей дружелюбно и с шаткой старческой походкой пошёл с ними в мельницу.-Алифбек, ты побудь с дядей, а я сейчас вам орехов грецких принесу. В десяти шагах от мельницы стояло могучее дерево с мощными оголившимися корнями у корневой шейки и полностью захватившее и затенявшее под собой кустики алычи и войлочных вишен. Плоды грецкого ореха давно уже были собраны, но на некоторых плодоносных ветках всё ещё виднелись и висели орехи с треснувшей буро-зелёной околоплодником. Комилбек, как озорный мальчуган, вооружившись длинной палкой и постукивая ей по веткам, где прятались последние орехи, начал охоту за ними.

Алифбек, сонно слушая дядю Асламхана, думал о своём, и чтобы дядя не обижался, он иногда смотрел в лицо дяде, кивая головой в знак согласия. Каменный жёрнов вращался очень быстро и своими резкими движениями он судачил и намекал на быстроту и быстротечность жизни. «Как неразумно останавливать стрелки часов, так и не целесообразно останавливать этот каменный мельничный жернов. Прогресс, но не регресс, вперёд, но не вспять. Нет смысла останавливать время и прожитую жизнь. Странно, но ни один влюблённый-маг не может удлинить божественную ночь с

возлюбленной и не один посягающий-кудесник не может укорачивать томительный летний день во время Уразы. Словно, этот жернов - колесо жизни идёт своим ходом, давая эстафетную палку чередующимся цивилизациям и расам человеческим. Подобно любопытному туристу в музее в каком-то восточном городе Алифбек озирает своими большими карими глазами по всем углам мельницы, как будто он в первый раз увидел её. Потом он, как больной, только что выписавшийся из психиатрической больницы, молниеносно нагнулся в специальную деревянную яму для муки, взяв оттуда горсть ржано - бобовой муки, быстро приподнёс к носу и жадно начал нюхать муку.

Комилбек, уставший от поиска орехов, вернулся с пакетом полным орехами и, не заходя в мельницу, позвал их полакомиться свежими орехами.-Брат, не надо было всего этого,-виновато сказал Алифбек.-Надо, ещё как надо. Я знаю как ты истосковал по запаху мельничной муки и как ты хочешь побыстрее попробовать этих свежих орехов.-Ты читаешь мои мысли.-Нет, не читаю я мысли твои и телепатией я не занимаюсь. Просто я из своего опыта знаю. После поступления в аспирантуру в Ленинграде я почти месяц не мог адаптироваться в этом северном городе. Как ни странно, по ночам я видел один и тот же сон. Будто я ещё мальчуганом вёл с отцом нашего длинноухого загруженного зерном осла к мельнице в ущелье Шичозгдара и я ем по дороге молотый «пихт» (тутовая мука) из тутовника сорта Бедоны. Наевшись тутовника и пихта, вдруг начинаю петь Даргилик(фольклорно- этнографическая песня шугнанцев и рушанцев) и при этом отец улыбкой подбадривая меня, начинает мелодично подпевать со мной. Тяжело вздыхая, Комилбек продолжил свой рассказ: -Я из-за малоземелья и безземелья памирских дехкан так недолюбливал горы, которые во всех памирских кишлаках, прижались к ним и своим существованием на этих клочках земли ,расположенные на конусах выносах будто со всех сторон своей мощью и массой давят на эти миникишлаки, но тогда, находясь в Ленинграде, я даже тосковал по этим высоким и грозным горам. – Парадокс, но бедуин тоскует по пустыням, а горец по горам, хотя для жизни человеческих они совсем неподходящие,-с досадой ответил Алифбек.-А всё это из-за того, что вы здесь родились и потому вас тянет в горы,-вымолвил своим дрожащим голосом дядя Асламхан. Алифбек, следуя за Комилбеком и дядей Асламханом, взяв булыжник и тщательно помыв его в холодной арычной воде, начал разбивать хрупкую скорлупу орехов об камень и извлекая бледно-жёлтую мякоть из ядра, аппетитно начал жевать калорийные и свежие, богатые фосфором и йодом орехи. - Дядя Асламхан, что вас беспокоит? - Ноги болят и спина тоже Алифбекджан.-А в больнице не лежали?-Лежал, но толку мало видел от лечения нынешних докторов.-В горячие источники не ездили?-Хотелось туда, но с деньгами трудновато у нас. Двое моих сыновей выбрали неблагоприятную профессию-учителя. Их совместная зарплата вместе с моей пенсией хватает только на питание, а на лечение в

санаторий не остаётся средств. - Дядя, сейчас мы собираемся в Джелонды. Давайте, поедем с нами. Больше недели мы побудем там. За это время вы там получите должное лечение. Алифбек персонально вас будет лечить, а за мельницей пусть ваши внуки смотрят,- сказал Комилбек. - Это же совсем неожиданно. Как же так? Я даже не подготовлен к поездке. - Дядя, отца- то мы потеряли. Теперь мы должны служить дядям и папиным родственникам. На счёт провизии не беспокойтесь. Мы на две недели месячную норму с собой возьмём. –Спасибо вам и да будет место моего покойного питиша(троюродный племянник-шугнанский диалект) Муаззамшаха в раю.- Договорились?-Договаривались. Только я пойду свои вещи возьму,- взволнованно сказал Асламхан и тяжёлыми шагами отправился в свой ветхий, лишённого чердака дом, находившийся недалеко от мельницы. - Ты только посмотри, какие дома соседи дяди себе построили. Не дома, а хоромы какие-то. - Наверное, они как и дядя и его сыновья учителями не работали и не работают?- Так оно и есть, и правда то, что бедность, болезнь и немощь постоянно сопутствуют друг другу, - ипохондрично сказал Алифбек в ответ Комилбеку.

Город встретил гостей дружелюбно. Мягкий ветер игриво срывал с ветвей старых тополей, посаженных вдоль центральной городской аллеи, жёлто-оранжевые листья, выполнявшие свою функцию в сезоне весенне-летнего процесса фотосинтеза, и теперь ждущих свою участь в процессе приготовления из них органических компостов. В доме Комилбека заранее всё было приготовлено. После плотного обеда Беджода засуетилась и вдруг, оставляя троих старших детей на попечение матушки Лаълбегим, неожиданно вместе с младшей дочерью пятнадцатилетней Беназир, тоже засобирались в Джелонды, на что Комилбек, глядя на супругу, шутливо сказал: - Семейный отдых-это не отдых. - Эта поговорка не для нас с тобою, -заверила его Беджода. Десятилетний Муиз как всегда был неразлучен с отцом и тихо сидел на заднем сиденье. - Он у нас подарок от завода, то есть когда я купил эту машину, он с завода сидел в ней, - смеясь безудержным смехом сказал Комилбек.-А ты кем будешь, когда вырастешь,-шутливо спросил Алифбек у Муиза.-Когда я вырасту, я стану шейшмологом(искажённое сейсмолог). -Ух ты!А почему ты так решил? - А потому, что дядя Алифбек, земля у нас постоянно трясется, и когда трясет у нас люстра долго качается на потолке в гостиной, и нам всем становится страшно. - Так ты хочешь изучать стихией? -Да. Ещё папа сказал, что это профессия будет нужна в будущем. -Вот что,-Беназир а ты какую профессию себе выберешь?-Дядя Алифбек, я хочу стать переводчицей. -Почему? -Потому, что Таджикистан в будущем станет страной туризма , а для туристов нужен переводчик. -Это папины наставления? -Нет, я сама выбрала. Потом, у меня по problem с английским. -М-да. Проблем с английским у припамирских

народностей не будет, потому что они без акцента говорят на нём и фонемы ð (th) и ɵ(th) существуют только в нашем обиходном лексиконе, в отличие от долинных таджиков.

Машина плавно ехала по асфальтированной дороге, остро нуждающейся в ямочном ремонте, оставив после себя узкую хвостобразную теснину квартала Чухтхорог и приближалась к длинному тоннелю, построенного наподобие галереи по архитектуре Античной Греции ещё в счастливое для горцев советское время. Затем один за другим последовали роскошные кишлаки с фруктовыми садами, приодетые в золотистую осеннюю одежду. Постепенно долина расширялась и фруктовые сады начали исчезать из поля зрения. На месте садов теперь красовались пестро-жёлтые луга, большие тополинные рощи с альпийской ивы и густые заросли кустарника облепихи с барбарисом и шиповником. Дома здешних аборигенов, в основном, были без чердаков и с обязательно вмонтированной специальной стеклянной окошкой «равзан»ом на крыше для освещения и вентиляции. Аккуратные белые дома, утопающие в тополиных рощах, находились на большом расстоянии друг от друга. В других местах дома, словно пчелиный рой и муравейник, были построены один над другим под голыми скалами. По народным переданиям будто ещё в десятом веке таджикский поэт, философ и миссионер-исмаилит Носир Хусрав, побывав в здешних местах, писал в своих мемуарах: - Долина Гунт- холодное место со свирепым ветром и дома у людей здесь то в кучу, то в россыпь.

На правом берегу реки Гунт находился кишлак Шибарзор, где и жила вместе с семьёй Харамбегим. Дом Харамбегим не отличался от остальных, зато у них во дворе стояла большая стеклянная теплица, чего были лишены соседи. Большой просторный дом Харамбегим был полон народа. На «нехах»(возвышение для сидения) в мужской части дома сидели по-турецки разновозрастные смуглолицые мужчины, а в женской половине- «кицоре» сидели женщины, и как обычно, по-женски критиковали кого-то и обсуждали что-то. Когда гости вошли в дом, все за исключением седого старика, с белым тюрбаном на голове и сидевшего у столба «Ха-стан» встали в знак почитания и уважения желанных гостей. - У сестры какое-то мероприятие,-тихо шепнул Алифбек под ухо Комилбеку.-Нет, у них обычай такой. Это родня Саидкозима. Я звонил Харамбегим и известил её о нашем приезде. Наш зять специально для нас зарезал пятилетнего яка. После приветствия и чтения вслух аята из Корана седым старцом, который выполнял роль «халифы»(мусульманское духовное лицо) в кишлаке, и которого звали Саиднуриддин, молодые парни, стоящие в виде конвеера-цепочки, начали подавать гостям ароматно пахнущую зирой(тмин) и обильно заправленную зеленью горячую шурпу из ячьего мяса с картофелем. Молодой парень с зелёной тубетейкой на голове незаметно и деликатно поставил на скатерть-дастархан перед Комилбеком и Алифбеком бутылку дорогого коньяка и пару оригинальных бутылок водки. -Брат, у меня голова так сильно болит и от

одного вида этих бутылок меня тошнит,-тихо сказал Алифбек.-Всё это из-за высоты. Сейчас мы находимся на высоте три тысячи метров над уровнем моря. А пить здесь не заставляют. Смотри, как халифа Саиднуриддин грозно смотрит в нашу сторону. Мужчина среднего возраста, с приятными чертами лица, налив в свой стакан немного коньяка, начал свою лестную и выразительную речь: - Уважаемые односельчане! Сегодня к нам пожаловали мама, дядя и братья нашей невестки и сестры Харамбегим. Харамбегим долгое время работает директором нашей школы и пользуется большим авторитетом у односельчан. Семья моего кузена Саидкозима и Харамбегим в кишлаке считается самой образцовой. Конечно, всё это заслуга родителей и результат правильного воспитания, полученного ими ещё в родительском доме. Я сам по профессии учитель и прекрасно знаю, своего коллегу Асламхана, который долгое время работал учителем русского языка и литературы в кишлаке Барчадив. Также я знаю Комилбека, доктора наук, защитившего докторскую диссертацию на тему «Полиморфизм памирской ржи». Тема полиморфизм, конечно, не всем понятна и при этом рожь для нас обычная культура. Дорогие мои! Памирская рожь - это уникальная культура и великий советский учёный Николай Иванович Вавилов в начале двадцатого столетия, впервые увидевший двадцатисантиметровый колос длинно-колосной ржи в Рушане, в своём дневнике так и написал: «хотя наша поездка на Памир была самая трудная и экстремальная, но ради одной памирской ржи, длина стебля которого составляет почти два метра и в одном колосе которого насчитывается более ста штук зёрен, стоило туда ехать». Вот, дорогие мои. Как я раньше отметил, другой наш почётный гость-это наш дорогой Алифбек-кардиохирург. Поэтично если выразиться, он своими чудодейственными хирургическими ножницами и острым скальпелем делает чудеса, возвращает и дарит больным утраченное ими самое ценное богатство-здоровье. Не зря великий таджикский поэт-классик Насириддини Туси по этому поводу говорил:

О, сердце, не унывай от безденежья и недостатка богатства

Ведь богатство-это отличное здоровье и хорошее настроение

Алифбек скоро тоже станет доктором наук и это, конечно, большая честь для всех нас единоверцев-исмаилитов, потому что для нас познание науки равноценно познанию Бога вместе с молитвами и медитациями. Пользуясь случаем, я даю слово моему коллеге Асламхану.

Асламхан немного взволнованный и озадаченный, покашляв и налив в пиалу сока, начал свою короткую речь:-Дорогие мои! Я очень рад, что нахожусь рядом с вами, и мне приятно то, что в книжных шкафах и на полках в доме Саидкозима изобилуют художественные книги, и многие из них написаны на русском языке. Отраднo то, что все

dawood2008@mail.ru www.shughnan.com

девушки одеты в национальную одежду, хотя наша вера не противоречит времени и моде, но приветствует плюрализма, то есть разнообразие, в чём и проявляется наша сила и красота. Спасибо всем вам за приятный приём. В конце я желаю всем вам крепкого здоровья и заверяю всех вас в том, что пока мы будем дружить с книгами, мы не обнищаемся ни духовно, ни материально. -Спасибо за приятные слова Асламхан-ака. Теперь наш певец Султонназар порадует нас своим перекрасным голосом.

Пока пел Султонназар, Алифбек ,внимательно понаблюдав за всем, обнаружил, что молодые люди избегают пить спиртное и на его вопрос по этому поводу молодой парень, сидевший напротив него тихо сказал: -У нас в кишлаке, кроме нашего тракториста Мастибека и завхоза школы Гофилбека, никто не пьёт и в коммерческих магазинах кишлака спиртного не продают. Певец, интуитивно почувствовав желание молодых людей, изменил такт и ритм, плавно перешёл от скучноватого «Фалак»а на танцевальный и весёлый «Рапо». Молодой парень, медленно кружась и высоко подняв руки наподобие орла, поднявшего свои крылья для полёта, с улыбкою пригласил розовещёковую молодую девушку на танец, на что она, быстро отреагировав, не оставляя парня в мучительном ожидании, присоединилась к нему. -Грация!-Что?-Перекрасный танец в исполнении перекрасной пары,-пояснил Алифбек Комилбеку.-Бесспорно. Наш народ самый музыкальный. Жаль, что от ультрафиолетового облучения в высокогорье и от сурового климата, люди тут преждевременно стареют и если бы памирские таджики жили не в горах, а в низинах, или у Средиземноморского побережья, им равных по красоте людей навряд ли нашлось. Музыка замолкла и дальновидный тамада предоставил слово Комилбеку. Комилбек, поприветствовав всех, шутивно начал свой рассказ о том, что всем людям и в том числе горцам предстоят большие задачи в этом глобально-изменчивом и астрономически развивающемся мире. –В качестве доказательства, я приведу вам пример мобильный телефон и интернет. Наши родители и предки даже не верили и не мечтали о том, что когда-нибудь вот отсюда, из Шибарзор, можно связаться и поговорить с родным человеком на другом конце мира. Другой, не менее важный пример. Посмотрите, на дастархане лежат зелень кориандра, петрушки и укропа. Все эти овощи выращены здесь, в теплицах на высоте три тысячи над уровнем моря. В тепличном хозяйстве на базе геотермальных горячих источниках в Джелондах у Саидкозима и других предпринимателей нашего района с успехом выращивают помидоры и огурцы. В конце я бы попросил всех беречь нашу природу и не загрязнять этот божественный дар, поскольку природа, образно говоря, это наша кожа, а человек, лишённой кожи долго не живёт. –Спасибо вам за добрые слова, Комилбек-ака. Довожу до вашего сведения, что я и мои односельчане в отличии от других жителей нашего края, мусор в реку Гунт не выбрасываем и после пуска ГЭС- Памир-1 уж как давно за дровами в

лес и за хворостом и полыном в горы не поднимались,- полушутя и полусерьёзно ответил тамада и после паузы передоставил слово Алифбеку, речь которого с нетерпением ждали присутствующие.-Уважаемые! Пользуясь случаем я хочу выразить свою благодарность всем вам за такой радостный приём. Уже как год я по контракту работаю в Норвегии и, представляете, в этом развитом государстве количество больных, несмотря на то, что они живут в достатке и в хороших условиях не убывает, а наоборот увеличивается. Сейчас я, посмотрев в лицо каждого присутствующего здесь, к великому счастью, обнаружил для себя, что от вас всех исходит положительная энергия, доброта и, самое главное, у вас здоровые лица и тело.Наверное, всё это зависит от того, что вы живёте в экологически чистой среде, питаетесь правильно и не употребляете ничего вредного для организма. Среди самых гнусных творений человека выделяется опиум-сырец и его производный героин. Известно, что наша республика граничит с наркотикопроизводящей страной Афганистаном, и поэтому наш народ всегда должен быть бдительным. Нам не простительно, если через нас транзитом опиум попадёт в другие страны. Самое главное, мы не должны допускать того, что молодёжь пристрастилась к наркотикам, после чего обычно происходит вырождение нации и мутация человечества. Одним словом, я хочу видеть у всех народов, населяющих нашу планету Земля такие же прекрасные, счастливые и здоровые лица, как у вас.

Две недели отдыха в санатории, находящегося в долинах гейзеров в Джелондах, прошли незаметно для всех. За это время походка у дяди Асламхана стала увереннее, лицо у Алифбека приобрело приятный загар. Мама Зулайхо и Беджода, используя свои кулинарные таланты, готовили им изысканные блюда. Комилбек вместе с Алифбеком иногда ходили на рыбалку на озеро Турумтайкул, находящегося в шести часах езды от Джелонды, высоко в горах. Однажды, порыбачив на лодке, уставшие они вернулись вместе с хорошим уловом и тяжёлыми сетками на берег. Алифбек, мечтательно посмотрев в сторону стада флегматичных яков, мирно пасущихся на лугу недалеко от бывшей скотоводческой фермы, сказал Комилбеку: - Брат, я незнаю, когда я ещё приеду на родину. До приезда у меня была ностальгия по всему, а теперь её как бы и нет. Знаешь, посмотрев на тебя и на твой образ жизни, я не чувствую ту нехватку, которую я испытывал раньше. Мне кажется, что только ты можешь стать приемником нашего большого рода и продолжителем дела отцовского. - Спасибо брат. Я только мечтаю о том, что мои братья и сёстры, приехавшие вместе со своими детьми в родительский дом, вернулись к себе довольными и счастливыми,-обнявшись с Алифбеком тихо сказал Комилбек.

12.09.2011

Информация обо мне:

Место рождения: кишлак Нишусп Шугнанского района ГБАО, Таджикистан.

Дата рождения: 19.09.1965.

Место жительства: Таджикистан г.Хорог, ул. Нуралибека Атобек 43.кв 8.

Образование:

1. С 1972 по 1982 Средняя школа №1 Шугнанского района Горно-Бадахшанской Автономной Области Таджикистана.
2. С 1982 по 1987 Таджикский Сельскохозяйственный Институт по специальности агроном.
3. Аспирантура в Академии Наук Таджикистана с 1989 по 1992 по специальности «Плодоводства»

Работа:

1. С 1993 по 1999 научный сотрудник в Памирском Биологическом Институте в городе Хороге.
2. С 1999 по настоящее время сотрудник-консультант НПО в городе Хороге.

Телефоны для контакта:

мобил. 935427370 Раб. 992 3522 2-43-35. Домаш.992 3522 2-26-55.